

Интервью с ученым

УДК 338.1

DOI: 10.28995/2782-2222-2021-4-114-126

Олег С. Сухарев

доктор экономических наук, профессор

Экономический рост России – перспективы

(к выходу книги:

Сухарев О.С. Структура экономического роста.

Нужны ли кардинальные изменения?

М.: Ленанд, 2021. 352 с.)

Для цитирования: Сухарев О.С. Экономический рост России – перспективы (к выходу книги: Сухарев О.С. Структура экономического роста. Нужны ли кардинальные изменения? М.: Ленанд, 2021. 352 с.) [беседу вела Е.В. Зенкина] // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2021. № 4. С. 114–126. DOI: 10.28995/2782-2222-2021-4-114-126

© Сухарев О.С., 2021

Oleg S. Sukharev Russia's economic growth – prospects
(on the publication of the book: Sukharev, O.S. (2021),
The structure of economic growth.
Do we need drastic changes? Lenand, Moscow)

For citation: Sukharev, O.S. (2021), “Russia's economic growth – prospects (on the publication of the book: Sukharev, O.S. (2021), The structure of economic growth. Do we need drastic changes? Lenand, Moscow)” [The interview was conducted by E.V. Zenkina], *Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 4, pp. 114–126, DOI: 10.28995/2782-2222-2021-4-114-126

Уважаемый Олег Сергеевич, спасибо за согласие дать интервью нашему журналу. Поздравляю Вас с выходом новой книги, посвященной такой значимой для России проблеме, которую вот уже на протяжении многих лет не могут решить власти, но, если говорить откровенно, и экономическая наука не показывает мощных решений в этой области. Как Вы думаете, с чем это может быть связано?

О.С. Сухарев. Спасибо Вам за приглашение поговорить на такую актуальную для нашей страны тему. Действительно, только ленивый не говорит о росте, как он нам необходим, особенно после десятилетия стагнации, которая характеризовалась снижением реальных располагаемых доходов населения. По имеющимся оценкам, средний темп роста за десятилетний период был около или даже ниже 1%. Полагаю, что главные причины всего две: во-первых, это порочная структура российской экономики, которая сформирована такими правилами, которые не позволяют ей изменить модель роста; во-вторых, это построенная клановым образом «экономическая наука России», кстати, ставшая адептом западных нежизнеспособных доктрин, особенно в части той когорты экспертов, которые формируют экономическую политику в стране.

Когда экономическая наука не имеет собственного лица либо это лицо потеряла, тогда она, да и наука в целом – подстраивается под нормативы, присланные в страну извне. Исследовательский состав даже на уровне заработной платы зависит от неких публикаций по чужим нормативам, лишь бы обеспечить некий рейтинг для чиновников от науки – в таком случае все превращается в печатающую машинку. Ущерб качеству, потеря собственной индивидуальности – особенно чреватые применительно к экономической науке, которая по идее должна составить интеллектуальную конструкцию, на базе

которой должна развиваться экономика, становящаяся конкурентоспособной. Если рецепты и правила копируются – конкурентоспособность обеспечить вряд ли удастся. Я всегда привожу студентам в качестве примера дебют четырех коней в шахматах. В этой игре черные копируют ходы белых до некоего предела, за которым имеется неотвратимое поражение черных. У нас же развернута целая плеяда копирующих исследований, в том числе и опирающихся на математические модели, мало что проясняющие, но связанные с популяризацией «внешних» решений. Так, например, целая работа проведена по популяризации так называемых агентств регионального развития (Ваш покорный слуга выступил с серией возражающих этому публикаций, причем с 2012 г., но они даже не попадают в обзор «заказных исследований»). Удивительно, но в России мало кто говорит о провале их в ряде стран, о том, что многие функции уже должны выполняться в российских регионах, но причины-то невыполнения или недолжного выполнения в чем? Ответа нет. Зато создают впечатление проведенных обзорных исследований – с общей подоплекой, что это очень нужно России. Пока будет присутствовать такая логика построения аналитической работы и обоснования экономических решений – удача будет обходить Российскую Федерацию в области преодоления проблем ее развития. Одна из важных причин – подчинение аналитической работы внешним стандартам, обретение научности не потому, насколько обоснована и оригинальна идея и полезна на практике для данного объекта, а потому, как она смотрится относительно некоего обзора зарубежных источников, безотносительно к оценке их достоверности, значимости и полезности именно для данного объекта. Вообще, отвлекаясь, скажу о сверхважной проблеме – такое ощущение, что мало кто о ней задумывается. Вот имеются нормы присуждения ученых степеней – и главная среди них – научность, точнее, «научная новизна». Но ведь эти два слова весьма субъективны, особенно в экономической науке. Да и то, что ново, далеко не всегда научно. Погоня за новизной губит экономическую науку, как это ни парадоксально звучит. Ибо множится не похожее на что-то либо облаченное в непохожие одеяния, но, на самом деле, возможно, просто забытое, но поданное под иным соусом. В итоге, даже идентифицировать новизну становится трудно, не говоря о том, что могут приниматься любые построения в виде кирпичей диссертаций, лишь бы не были на что-то похожи. Конечно, такой подход, а именно он имеет все большее распространение в моей стране – не может быть назван научным. Сама организация его сугубо порочна. Представляется, надо кардинально изменять институты оценки научной работы – и это вектор оздоровления аналитической работы и в экономической науке. Кирпичное построение и защиты

должны уйти, порастить паутиной как патриархальные вещи. Трудно это признать, но со временем, думаю, придется. Рассматриваться должен только вклад, оригинальность, полезность. Публикаций – серии или доклада, или книги, должно быть достаточно для этого. Процедуры должны стать простыми, а рассмотрение – содержательным, а не формальным. Скажете, что я сильно отвлёкся от темы роста и от книги. Нет, в книге есть целая глава, посвященная институтам клубных организаций на примере российской науки, Академии наук. И все указанные проблемы, изменения институтов – это все должно и будет играть на будущий рост, если осуществить такое снижение институциональных издержек и дать возможность просто развитию науки. Именно ее и тормозят сегодня, причем не только в России.

«Ковидный» кризис отнюдь не придал больших возможностей для российской экономики, испытывающей серьезные трудности в области политики роста. Пышные Форумы также отнюдь не придали уверенности в том, что новая модель экономического роста будет создана. В основном многие дискуссионные площадки ориентированы на стереотипные подходы и решения, а авторы значимых предложений, связанных с кардинальными изменениями, обычно задвинуты на галерку. Причем такой результат обеспечен не только самой властью, но и сложившейся системой организации экономической науки в России и проводимых дискуссий. Тем самым экономисты-аналитики, многие из которых буквально служат либо бюрократическим, либо бизнес-группировкам, сами образуют «аналитические кланы», вносят весьма важную разрушительную лепту в формирование ценных предложений в части политики роста. Таким образом, страна условно развивается, имеется какой-то рост в районе 1,5%, может он быть и 2–3% в какие-то самые успешные годы. Однако экономика, базирующаяся на доминировании услуг, где торговля занимает около 30% валовой добавленной стоимости, а услуги в целом – примерно 70%, не может показать значительного ростового рывка. Тем более это проблематично, если инструменты макроэкономической политики длительное время не изменяются по своему содержанию и составу.

Обобщая, скажу: структура экономики, система ее институтов – вот основная причина свертывания ростовой модели, существовавшей ранее, базирующейся сначала на постдевальвационном эффекте 1999–2003 гг. и позитивной сырьевой динамике до 2008 г. Далее, после отскока в 2010 г. Россия испытывала только снижение темпа роста год к году, доведя ситуацию в 2014 г. до рецессии развернувшейся ярко в 2015–2016 гг. После нее, по существу, макроэкономические параметры не восстановлены еще до уровня 2013–2014 гг. И причина, как я сказал выше, системная, она не связана с текущими факторами или обстоятельствами.

Спасибо за столь развернутый, обстоятельный ответ. Однако сказанное Вами не снимает с повестки дня такой набивший, возможно, оскомину вопрос: что же делать в сложившейся ситуации? Выходит, что реформировали многие подсистемы экономики – образование, науку, здравоохранение, социальное обеспечение – и фактически все это не работает на то, чтобы расти, обеспечивая благосостояние людей, рост их доходов? Неужели звучащие предложения от власти так уж не работают? В чем Вы видите проблему?

О.С. Сухарев. На мой взгляд, Вы в вопросе подцепили сущность этой проблемы. Да, получается, что реформируем-реформируем и дореформировались. К сожалению, это так. Причина в том, что институциональные изменения крайне не продуманы, были связаны с копированием внешних рецептов. И кстати, либеральная когорта экономистов опять предлагает под видом структурных изменений только институциональные реформы. Что такое приватизация? Или судебная реформа, или стимулирование предпринимательского климата, поддержка малого бизнеса? Или обеспечение инвестиционного климата и иностранных инвестиций как мантры для российской экономики. Это абсолютно бездарные институциональные позиции, которые повторяются либералами уже которое десятилетие. Кстати, качество достижения этого стимулирования трудно поддается контролю, всецело завися от выделяемых ресурсов. Других предложений они, к сожалению, даже придумать не в состоянии. Я их в шутку называю «климатологи», ибо их интересует инвестиционный климат и бизнес-среда. Но подрывная их деятельность много хуже – они прямо в околонуточных своих докладах указывают, что распределение ресурсов ничего не даст и даже невозможно для России. Обычно это дается без доказательств в нормативном ключе и подавляется большим числом страниц разглагольствования о стимулировании бизнеса и инвестиционного климата. Иными словами, в докладах, посвященных структурной политике, сама эта политика выхолащивается до институциональных пертурбаций «климатического» характера, весьма сомнительных. Тем самым я немного обижаю синоптиков, прося прощения у них, ибо они дают куда более сбывающиеся прогнозы погоды, нежели «экономисты-климатологи», о которых здесь ведется речь (имея в виду либеральную когорту экономистов, отрицающих необходимость именно воздействовать на распределение ресурсов). Если не рассматривать распределение ресурсов и не влиять на это, все разговоры об иной структуре экономики остаются домыслами.

Когда берутся за изменение всех подсистем экономики одновременно, обычно это провоцирует кризис, так как порождает дезорганизацию, вызывает большие издержки адаптации. Какие-то предложения, конечно, работают. Нельзя говорить, что все не работает. Но Вы правы в том, что новой модели роста это не дает. Наиболее важные причины я уже назвал. Что касается наиболее свежих предложений или установок власти, можно дать краткий анализ выступления Президента РФ на Петербургском экономическом Форуме–2021. Оно показывает основные шаги, которые власти предпринимают в условиях ковидного кризиса и при выходе из него. Именно эти меры, конечно, закладывают возможность роста российской экономики в будущем. Однако сразу замечу, что этим мерам не удастся изменить структуру экономики. То есть это будет рост без серьезных изменений хозяйственной структуры, и даже институциональные модификации по их силе и влиянию, на мой взгляд, не дадут необходимого результата. Очень важно учитывать источники предполагаемого роста, факторную основу, ресурсы, за счет которых он будет организован. Важен и потенциал.

Назову основные позиции из доклада Президента РФ, сразу снабжая их своим комментарием:

- в рецессии признаны действенными бюджетно-налоговые инструменты макроэкономической политики, а не только денежно-кредитная политика. Этот тезис позитивный, ибо долгие годы в России применялась иная установка, связанная с сокращением государственных расходов, теперь признается важность дефицита бюджета в противостоянии кризису;
- нужна реализация многосторонних проектов как фактора экономического развития, тем самым воспроизводится старая идея проектного финансирования и управления, которая не плоха сама по себе, но ее реализация сильно зависима от выделяемых ресурсов и от эффективности их использования. Отметим, что эффективность, точнее различные ее виды, даже не измеряются в целой когорте правительственных документов – даже на плановом уровне (ожидаемая эффективность, не фактическая). Это обстоятельство – большой минус планирования и государственного управления;
- требуются программы содействия занятости, включающие адресную помощь, однако не отмечается, насколько адресная помощь даст эффект, не является ли более значимым рецептом обеспечения занятости развертывание новых производств, увеличивающих занятость; национальные проекты, связанные с созданием отдельных секторов и видов деятельности, решающих масштабно проблему занятости, попросту отсутствуют;

- предлагается оценивать регионы по инвестиционному рейтингу (проблема выбора рейтинга не обозначается), особенно где инвестиции крайне низкие; постулируется открытость для бизнеса информации, однако требования к информации и информационно-коммуникационной системе не называются, как и к ее организации;
- актуализированы инфраструктурные кредиты для регионов России, причем каждый регион должен предложить свой алгоритм реализации данных проектов. Вместе с тем, каким образом будут согласованы эти схемы, алгоритмы, остается не ясно;
- предлагается зонтичное поручительство, то есть страхование кредитов, безналичные расчеты, быстрые платежи, необходим и новый налоговый режим, который исключил бы дробление компаний, предлагается снижение антимонопольного контроля малого и среднего бизнеса (до 800 млн рублей), освобождение от НДС до 2 млрд рублей. Эти сугубо институциональные изменения призваны оживить бизнес. Но эти меры стимулирования должны быть согласованы с общей динамикой роста доходов, иначе развитие бизнеса без опоры на растущий спрос просто захлебнется при обоснованности стимулирующих мер;
- инициируется международная кооперация в области экологии и защиты окружающей среды, для борьбы с потеплением климата. Инструментом выступают так называемые зеленые облигации. Общая цель вроде полезна – углеродная нейтральность. Нужно обеспечить поглощение парниковых газов. Здесь возникает и задача строительства целой отрасли – утилизации отходов.

Большие заделы в этой части может реализовать Россия. Но нужны ресурсы, технологии, развитие специального машиностроения под данную цель.

Обобщая перечисленное, а это входит в основные документы власти как направления движения экономики страны, отмечу, что при индивидуальной полезности указанных мер эти предложения отнюдь не безупречны не только в экспертно-аналитическом, но и практическом варианте. Системно не проработаны эффекты, нет синхронизации предлагаемых мер. Отсутствует даже элементарный план ввода тех или иных мероприятий в рамках указанных предложений. К тому же не вполне ясно, на что рассчитывать людям, экономике, какой темп роста и величину доходов это даст, хотя бы ожидаемо, в плановом ключе. Не говоря уже про оценки отдачи вкладываемых ресурсов и т. д.

Если выступление Президента может не включать такие детали, то Правительственные документы обязаны отразить именно

это. Кроме того, требуется оценка достигнутого и причин недостижения целей, например согласно «Стратегии–2020». Без глубокого анализа причин провала, неудовлетворительного планирования и реализации нельзя двигаться далее, не изменяя систему управления и планирования решений в стране.

Эклектично представляя задачи развития малого и среднего бизнеса, допуская крупные стратегические провалы развития промышленности и наукоемких секторов экономики, трудно достичь целей роста и длительно поддерживать приемлемую динамику по темпу.

Таким образом, проблема в том, что предложения как-то работают, но даже как именно – аналитики не в состоянии сказать. В этом и есть серьезные ограничения в области управления. Что-то работает, что-то нет, но общего системного эффекта развития мы не имеем. Это факт доказанный. К сожалению, без кардинальных изменений мы не обойдемся, и ресурсами большими на такие изменения сегодня не располагаем – в этом, если угодно, парадокс развития России, который можно обозначать «концептуальным порочным кругом». Хотя классический «порочный круг» также присутствует: низкие доходы не дают спросу составить базу роста производства, в свою очередь низкий уровень производства не позволяет инвестировать в технологическое перевооружение – это не позволяет расти производительности, сохраняя производство на низком уровне. Цепочка повторяется. Кроме того, присутствует порочная структура экономики. Высокодоходные виды деятельности (сырье, услуги, финансы) характеризуются невысоким риском приобретения таких доходов, низкодходные (индустрия, наука), наоборот, имеют большой риск ведения экономической деятельности. В итоге, ресурсы покидают низкодходные сферы с высоким риском, перемещаясь в высокодоходные с относительно низким риском. Такая структурная вилка или хозяйственная пропорция порождает однонаправленный вектор перемещения ресурсов, возвышая исключительно определенные виды деятельности и приводя к деградации иные виды. Это своеобразный порочный круг структурной деградации.

*Каким же образом он может быть преодолен?
Это ведь системная задача – не так ли?*

О.С. Сухарев. Да, конечно. Причем именно эту задачу нужно положить в основу планирования и проектирования различных проектов и государственных предложений. Нужно все меры поли-

тики подчинить выправлению этого структурного перекоса. В этом и будет состоять создание новой модели экономического роста, на совершенно иной структурной основе экономики. Ряд видов деятельности – в них нужно институциональными модификациями повысить риск, в других, наоборот, понизить риск и создать условия для роста доходности за счет технологических предпочтений развития. Конечно, нужны меры управляемого распределения трудового ресурса и капитала внутри страны.

Олег Сергеевич, но почему это не делается, неужели трудно понять не такие уж заоблачные вещи?

О.С. Сухарев. Еще одна проблема в том, что понимать некому. Не в смысле, что люди не способны, нет. А по причине того, что каждый мыслит по-своему. К тому же не хочется кардинальных изменений, трогать систему. Лучше приспособиться, иметь от этого дивиденд, встроиться в общую бюрократическую процедуру и цепочку.

То есть Вы считаете, что бюрократизм съедает все разумные предложения и эффективную макроэкономическую политику роста?

О.С. Сухарев. Он не просто их «съедает», как Вы верно выразились – даже не дает им появиться. Вы никогда не замечали, кто все-таки мелькает на телевидении и в СМИ чаще других? Из экспертов я имею в виду. Это директора или заместители, или на худой конец люди, создавшие фонды и фондики из буквально 3–5, иногда 10 человек, а иногда 2 человека, и уже президенты этих контор. То есть доступ имеют те, кто занимает определенную бюрократическую должность. Конечно, сегодня имеются каналы СМИ, где выступают и носители исполнительского знания – старшие, ведущие, главные сотрудники институтов, профессора и доценты кафедр и т. д. Но их явно меньше. Замечу, что экономическая наука – это не медицина, где главный врач делает сам уникальные операции и часто является разработчиком такой методики. Поэтому у нас директора – это номенклатурные единицы, сами, кстати, мало что создавшие лично. Это относится и к бывшим институтам РАН, сейчас подчиненных министерству науки. Но главное, что за спиной бюрократа – коллектив, именно такой логикой он и прикрывает свои поступки,

защищая «статус-кво». Очень редко, когда он искренно и открыто назовет какие-то вещи или сформулированные им предложения, обычно пряча их за какие-то якобы научные вещи. Этот эффект безусловно бюрократический. Вообще, бюрократические эффекты погубили многие неплохие затеи с институциональными изменениями – и не только в России. Можно вспомнить высказывание Сухово-Кобылина, относимое к XIX в.: «Было на землю русскую три нашествия – набегали татары, находил француз, а теперь чиновники облегли». Эта оценка прекрасно отражает пороки управления во все времена – и цифровая реальность отнюдь не является исключением. Появление очередей под управлением компьютера (понятие «электронная очередь») и талона в МФЦ или медицинское учреждение также символизирует реальное положение вещей. Подобные вещи уводят от критического мышления, превращая ученых в толпу, мало отличающуюся от менее подготовленных граждан – и это становится ударом по современной науке, а самое главное – по будущим поколениям ученых.

Бюрократы не дают объективной картины, часто не резки и не принципиальны. Боязливая логика их выступлений, подражательство, отсутствие четкой позиции, поведение согласно принципу: «чего бы не вышло от сказанного», как правило, снижают эффект, но зато хорошо это все вписывается в общую канву бюрократического управления. Беречь спокойствие не нужно – этим руководствуется бюрократ. Поэтому если объективно нужны изменения, причем существенные, это не будет принято и даже рассмотрено. Либо этому будет придан ореол ненужного, необоснованного, глупого.

Вот сегодня ученых заставляют публиковаться. Никто не думает, а кто и когда все это прочтет, хватит ли времени на изучение всего опубликованного, множится число научных журналов, так как потребность нужна – расширить публикации. Если какие-то кланы не пропускают чьи-то идеи, то этот монополизм преодолевается созданием новых журналов, другими группами людей – ученых. В экономической и других науках – это сплошь и рядом. Однако все же позабыли вроде как юмористический закон Паркинсона под номером шесть. А звучал он так: прогресс в науке обратно пропорционален числу научных журналов. Чиновники, навязывая российской науке публикации в журналах, размножают журналы, тем самым работая на научный регресс, если закон Паркинсона справедлив. Это касается привязки заработной платы ученого к публикациям, учету индексирования журналов, а не сути сделанного за годы научной жизни, таким же затруднениям при защите диссертаций и присвоении степеней. И все это – символы регресса, что со всей

очевидностью просвечивает в организации науки России сегодня – да и мировой, потому что заимствование идет оттуда. Но эта острая тема уходит и из поля конкретного и детального обсуждения, и с повестки министерств и ведомств, ответственных за это. Все названные изменения тормозят рост числа исследователей. Только в России число исследователей сокращается за последние десятилетия, в отличие от Китая, США, Германии, где этот показатель возрастал. Тем самым Россия воспроизводит удивительную модель «экономики знаний» – при сокращении числа исследователей, которые являются носителями знаний и распространителями.

Вы так абсолютизируете роль чиновника?

О.С. Сухарев. Мне кажется, что пытаюсь демонстрировать его роль, причем негативную. Конечно, общие функции управления чиновник как-то реализует, но вопрос об эффективности остается открытым на повестке дня. Можно вспомнить высказывание В.И. Ленина в письме Г.Я. Сокольникову от февраля 1922 г., где отмечалось: «Коммунисты становятся бюрократами, если что нас погубит, то это». Вот это пример сбывшегося пророчества или прогноза, как угодно. Но именно это подорвало, на мой взгляд, СССР, сейчас подрывает Россию, кстати все потрясения США также связаны со сращиванием корпоративной бюрократии и государственного управления, о чем писал Дж.К. Гэлбрейт много лет назад. Поэтому бюрократия, видимо, будет снижать эффект от знаний, затруднять развитие «экономики знаний», посредством роста различных издержек, торможения наук и инноваций. Вместе с этим будет тормозиться и рост.

В своей новой книге «Структура экономического роста. Нужны ли кардинальные изменения?», которая вышла в свет в 2021 г., Вы затрагиваете все перечисленные в нашем разговоре темы? Какой ответ дается на поставленный в заголовке вопрос?

О.С. Сухарев. Она собрала основные исследования 2020 и 2021 гг. В виде статей они разрознены, но в книгу вошли в рамках общей заявленной темы. Да, конечно, рассматриваются и эти вопросы. Но у нас с Вами разговор, а книга включает научные результаты проводимой поисковой работы, предложенных моделей

роста, измерения «экономики знаний», технологических укладов, с включением созданных методик в макроэкономический анализ. Это новые результаты, тем более если учесть, что методика оценки экономики знаний публиковалась на английском языке за рубежом. Примечательно, что она критикует методику Евростата и дается авторская методика в сравнении с Евростатом. Я думал, западники не пропустят такой подход. Но, представляете, именно это и прошло через этапы рецензирования. Именно это и ценится. У нас в России обстановка совсем иная – какой-то наделенный немалыми погонами, неизвестно как полученными, агент может докучать над всем, и возразить ему невозможно по причине занимаемой в табели о рангах его должности или положения. В том числе по этой причине высокопроизводительные рабочие места, согласно приказу Росстата от 2017 г., могут измеряться по заработной плате, иные предложения даются – по добавленной стоимости, что базисно не отличает сам подход по понятным причинам. Но только на Ученом совете РЖД Ваш покорный слуга, выступая в 2018 г., получил одобрение, так как предложил измерять по уровню автоматизации или цифровизации рабочего места. Кстати, именно эти предложения реализовывались в СССР, в том числе обозначены в работах Я.Б. Кваши. Вот Вам состояние учета в России и состояние экономической науки. В публикационном угаре не можем навести порядка в области элементарных измерений и оценок. Еще пример – оценка технологичности видов деятельности. В России осуществляется по объему НИОКР и выделяют высоко-, средне- и низкотехнологичные. Однако я не встречал, чтобы кто-то (помимо меня) сильно возмутился и опубликовал, что по объему НИОКР вообще нельзя давать оценку технологичности производства, это неверно. Так как тогда нужно доказывать связь между измеряемым уровнем технологичности и объемом НИОКР (а лучше уровнем самих НИОКР, что как раз и могло бы обнаружить такую связь, но не с объемом). Как видим, примеров довольно много, и видно отношение к ним в России. Но проблема в том, что выводы для экономической политики, для модели роста делаются именно на базе таких оценок и измерений.

Конечно, книга посвящена более широким вопросам, она включает несколько созданных методик оценки и моделей, в том числе неапробированных. В частности, речь идет об измерении ожидаемого ущерба и выгод при развертывании кризисной ситуации, подобно «ковидному» кризису 2020 г. Она стала закономерным продолжением теоретических разработок в книгах «Теория реструктуризации экономики» (2016), «Теория структурной динамики» (2020), а также моей базовой работы 2014 г. «Экономический

рост, институты и технологии», которая нашла реализацию в монографии совместно с член-кор. В.А. Цветковым «Экономический рост России: новая модель управления» (2017). Конечно, называю только основные работы, не вспоминая ряд книг, посвященных экономическому росту, в частности «Информационная экономика: знания, конкуренция и рост» (2015).

Данную книгу 2021 г. отличает то, что помимо того, что в нее вошли материалы, опубликованные на английском за рубежом, она дает развернутые методики структурного анализа роста, демонстрируя важность эмпирического анализа, тем самым как бы реанимируя и развивая аналогичную традицию анализа роста, заложенную Саймоном Кузнецом. Несколько ее глав посвящено современному мировому кризису, отдельные главы включают структурный анализ инноваций, технологической индустриализации, инвестиций в финансовые активы и транзакционный сектор и др. Не буду далее заниматься рекламой – тот, кто захочет, ознакомится. Надеюсь, это будет полезно.

Да, совсем забыл Ваш вопрос. Конечно, книга дает ответ на вопрос – нужны ли кардинальные изменения. Этот ответ положительный, причем изменения нужны как на уровне экономики, проводимой макроэкономической политики, так и на уровне экономических знаний, даруемых им рецептов и руководящих доктрин. Применительно к новой модели экономического роста для России я обозначил, каким должен быть вектор движения и организации этой модели. Дальнейшая детализация выходит за рамки интервью, но ее можно посмотреть в совокупности работ автора на моем сайте www.osukharev.com.

*Олег Сергеевич, благодарю Вас за изложение
Вашей позиции, такое откровенное интервью
и надеюсь на дальнейшее сотрудничество.*

О.С. Сухарев. Большое спасибо Вам за приглашение на страницы Вашего журнала.

*Интервью провела
д-р экон. наук Е.В. Зенкина*